

© 1991, СЭ, № 6

«ГРАНИЦЫ РОССИИ».

Совещание в Институте этнологии и антропологии АН СССР

27 августа 1991 года в коридорах Московской части нашего Института появилось объявление, приглашавшее всех желающих принять участие в совещании «Границы России». Большая группа сотрудников Института, собравшаяся к назначенному часу в аудитории, удивила организаторов мероприятия, рассчитывавших, по их словам, на участие в лучшем случае нескольких человек. А между тем удивляться не приходилось. Во-первых, никакого другого собрания в Институте со времени драматических августовских дней, взбудораживших страну, не было, а во-вторых, коллективу Института, по сути дела, была предложена принципиально новая форма деятельности: немедленная и гласная реакция на политические события, непосредственно затрагивающие сферу профессиональных интересов этнографов.

Директор Института В. А. Тишков во вступительном слове подтвердил, что поводом для совещания стало сделанное накануне заявление пресс-секретаря российского президента о возможных территориальных претензиях России к соседним республикам — в том случае, если они откажутся подписать новое соглашение о Союзе. В этой связи руководство Института задалось вопросом, который и был поставлен перед аудиторией: могут ли сотрудники в процессе обсуждения выработать общую позицию, которая была бы одновременно профессиональной рекомендацией, на тот случай, если пересмотр границ встанет на повестку дня; могут ли ученые помочь политикам в данном случае?

Забегая вперед, заметим, что в конечном счете поставленная задача не была выполнена — что и констатировал в своем заключительном слове инициатор совещания. Однако видеть в этом обстоятельстве единственный итог состоявшегося обсуждения, думается, было бы совершенно неверно.

Совещание, по-видимому, показало пределы возможностей такого рода мероприятий для решения сиюминутных конкретных задач. Задуманный «мозговой штурм» не получился, хотя аудитория проявила самую живую заинтересованность в обсуждаемом вопросе: за три часа выступило шестнадцать человек, и кстати, далеко не все, кто хотел получить слово. Попытки рассматривать конкретные ситуации в приграничных областях России и сопредельных республик, к чему призывали организаторы, фактически разбились об отсутствие согласия по ряду принципиальных установок, обнаружив широкий спектр подходов, позиций и мнений. Были высказаны самые разные, порою взаимоисключающие, или напротив, совершенно не соприкасающиеся, суждения о национальном вопросе в СССР, о разделении единой державы на независимые государства и его последствиях для судеб народов и отношений между ними, о причинах этнических конфликтов и путях их преодоления, о пригодности референдумов как механизма установления границ на спорных территориях, о роли в происходящем специалистов-этнографов и стоящих перед ними задачах — и т. д., и т. п. По мнению одного из участников встречи, А. Ямскова, обсуждение по сути дела повторило направления дискуссий по тому же кругу проблем в публицистике и, добавим, в целом не вышло за их пределы. Вопросы о том, что представляет собою в данном случае профессиональный подход этнографов, существует ли методика превращения подобного рода «свободной трибуны» в «деловую игру», наконец, не является ли поставленная задача изначально неподходящей для решения в предложенной форме — остались открытыми. Трудно сказать в связи с этим, насколько правомерен был прозвучавший в конце заседания призыв к выступавшим пропагандировать свои точки зрения через средства массовой информации: возможно, более соответствующей нынешнему положению вещей была бы их предварительная апробация в научных кругах. Вместе с тем, по нашему мнению, в ходе совещания наметились элементы того специфического подхода, в рамках которого, скорее всего, только и может быть реализован значительный (обсуждение это показало) потенциал коллектива Института, выражающийся в детальном знакомстве с отечественной и зарубежной конкретикой, с опытом исторического развития народов и государств земного шара, наконец, со взглядами и оценками зарубежных исследователей и экспертов. Максимально объективно и всесторонне показывать все возможные последствия тех или иных шагов политических лидеров, те «подводные камни» (С. Чешко), которые, возможно, видны только нам и о которые могут разбиться самые благие намерения государственных деятелей, иначе говоря — создать надежную «службу прогнозирования» национальных конфликтов — вряд ли есть сейчас для нас более насущная и реальная задача.

Практически все выступавшие отвергли (исходя при этом зачастую из разных соображений) идею перекройки существующих границ. Но вот что хотелось бы отметить. К моменту совещания не было известно, чем, собственно, собирается руководствоваться российская администрация в своем подходе к границам с соседними республиками. Это отсутствие заданности способствовало лучшему выявлению «состояния умов» в среде специалистов, которые, таким образом, сами выдвигали наиболее значимые, с их точки зрения, критерии. И примечательно, что, как оказалось, наиболее весомыми из этих критериев в глазах подавляющего большинства выступавших оказались этнический или

этнографический (историко-культурный). Несмотря на предостережения ряда ораторов, что принцип совпадения этнических и государственных границ нереален и чрезвычайно опасен, обсуждение, в той мере, в какой оно касалось возможного размежевания, с неизбежностью снова возвращалось к этому принципу. Судя по всему, представление о том, что этнический фактор естественно и неразрывно связан с политическим, тяготеет не только над обывденным, но и над научным сознанием в нашей стране, — что является одним из результатов, говоря словами инициатора совещания, многолетнего «конструирования» действительности с помощью идеологических и прочих концепций, показавших свою несостоятельность.

А. Н. Кожановский, Е. В. Макарова

© 1991 г., СЭ, № 6

НАЦИЯ: ФАНТОМ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

(Заседание Ученого совета
Ленинградской части Института
этнологии и антропологии АН СССР)

Эта проблема стала предметом дискуссии, проведенной в апреле 1991 г. на Ученом совете Ленинградской части Института этнологии и антропологии АН СССР им. И. И. Миклухо-Маклая по инициативе Отдела общих проблем этнографии. Открывая дискуссию, А. С. Мыльников в привел краткий обзор состояния историографии вопроса. Отметив, что в процессе преодоления «сталинского» определения нации, начавшегося в конце 1960-х годов, при активном участии этнографов стала развиваться новая концепция этноса, в обобщенном виде изложенная в работах С. А. Арутюнова, Ю. В. Бромлея, С. А. Токарева и др.

Эта концепция, подчеркнул выступавший, базируется на том, что нация, равно как и предшествовавшие ей формы, трактуется как один из типов социальной организации этноса (ЭСО). В последние годы эта концепция стала встречать возражения (например, в работах М. В. Крюкова, В. А. Тишкова). С одной стороны, подвергается сомнению различие между нацией и народностью, с другой — оспаривается правомерность этнической трактовки нации, которую предлагается рассматривать как субстанцию духовной культуры и коллективного сознания.

Современная этническая ситуация в стране и в мире, по мнению А. С. Мыльникова, требует не только критического осмысления многих привычных категорий, но и понуждает продолжить разработку теории этноса, составной частью которой является вопрос о нации. Такой подход важен не только в собственно научном, но и в практическом смысле; об этом свидетельствует, например, возрождение общественного интереса к вопросам культурно-национальной автономии. Это не может не повлечь за собой переоценки тех характеристик, которые были высказаны В. И. Лениным и большевиками еще до 1917 г., в совершенно иных обстоятельствах и применительно к иным условиям. В то же время, подчеркнул выступавший, многие построения социал-демократов конца XIX — начала XX в. (в частности, их австрийского теоретика Эдвина Кристиана) заслуживают серьезного, объективного анализа с учетом реального опыта этнического развития и национальной политики за истекшее столетие.

Вопросам соотношения нации и этноса посвятил свое выступление П. Л. Белков, указавший, что существуют две самостоятельные проблемы: проблема нации и проблема этноса. Выступавший отметил неслучайное, по его мнению, сходство определения этносоциального организма, предложенного Ю. В. Бромлеем, и определения наций, данного И. В. Сталиным. Во всех известных формулировках определения нации или этноса, продолжал П. Л. Белков, содержатся те же основные признаки (общность самосознания, культуры, языка, территории, экономических связей и политическая общность). Перечисление можно продолжить, указав еще на общность происхождения, характера, психики, информационных связей, антропологического типа и т. д., но это будет детализация коренных шести признаков.

Специфичность каждой из известных нам формулировок нации или этноса по мнению Белкова обуславливается тем, что целостное представление распадается как бы на два блока признаков: язык, культура, самосознание и территория, экономические связи, единство управления. Далее многое зависит от сочетания этих признаков и сопряженности этих блоков. На форму конкретных дефиниций влияют еще три обстоятельства: во-первых, сама терминология, во-вторых, степень расчленения признаков, в-третьих, неадекватность дефиниции и процесса выведения дефиниции, когда признаки, задействованные в процессе определения, оказываются за рамками дефиниции. Очевидно, результатом этого и является искусственное удвоение единой проблемы.

Представление, обозначаемое терминами «этнос», «этническая общность», «нация» и пр., относится к типу суждений, называемых аналитическими. Огромная литература, посвященная этим вопросам, показывает, до какой степени изощренности и противоречивости можно довести процесс расчленения первичного представления. Однако это создает лишь иллюзию движения, иллюзию разрешения проблемы. Действительно, продолжал П. Л. Белков, при таком состоянии теоретической мысли, когда она не поднимается выше поверхностных эмпирических обобщений, нация или этнос — всего лишь сочетание звуков, к которым каждый волен в качестве предикатов прибавлять все, что заблагорассудится.